

Таня Ричардсон

В обзорной статье 1996 г., посвященной антропологии города, Сета Лоу задала вопрос о том, почему город не стал предметом полномасштабного теоретизирования в антропологии [Low 1996]. Она отметила, что антропологов больше интересовал анализ городской повседневности и процессов, чем участие в большой теоретической дискуссии об урбанизме. Синтетические теоретические высказывания по поводу урбанизма и «города» все еще порождают городские географы и социологи [Amin, Thrift 2002; Pile 2005]. Однако со времени публикации статьи Лоу антропологи начали все более активно участвовать в междисциплинарных дискуссиях об урбанизме и жизни города [Holston, Appadurai 1999; Low et al. 2005; Alexander et al. 2006; Huyssen 2009]. Мой комментарий посвящен двум проблемам. Во-первых, я обращаюсь к дискуссиям о том, чем является городская антропология, чтобы показать, что хотя антропологи больше не обсуждают вопрос о том, должны ли они изучать городскую жизнь или город в целом, различие между *исследованием города* и *исследованием в городе* остается важным моментом, структурирующим дебаты. Во-вторых, я буду говорить об антропологическом изучении города в связи с тремя темами: городские мифологии и формы

Таня Ричардсон (Tanya Richardson)
Университет Вилфрида Лаурьера,
Ватерлоо, Онтарио, Канада
trichardson@wlu.ca

общения, социальные движения и представления о гражданстве, а также городское планирование и дизайн. Эти исследования особенно интересны тем, насколько по-разному они одновременно трактуют специфику городской жизни и соотношение подобной специфики с дискурсами о городе как о целом.

Настоящий форум связан с более ранней дискуссией в журнале относительно меняющихся концептуализаций «культуры»; многие участники этой дискуссии отмечали сдвиг в российских и англо-американских *cultural studies* и антропологии от села к городу в качестве пространств исследования. В послевоенный период антропология оставалась сфокусированной на «первобытных» и «традиционных» обществах, в то время как работы по городской тематике являлись относительно редкими. Шестидесятые годы стали свидетелями расцвета осознавшей свою специфичность городской антропологии, когда некоторые антропологи последовали за своими информантами в города. С момента возникновения городской антропологии специалисты в этой области неоднократно меняли свои оценки антропологии *в городе* и антропологии *города*. На раннем этапе антропологи-урбанисты, находясь под влиянием чикагской школы, фокусировали свое внимание на «экологических нишах» города, городских районах и социальных мирах (этнические анклав, уличные банды, поведение в общественных местах, смешанные кварталы), создавая детальные этнографические исследования уличной жизни. Изначально интерес антропологов к изучению городской жизни носил методологический характер и был продиктован следующей проблемой: остаются ли исследования, проведенные в городах, антропологическими, учитывая, что масштаб и сложность городов требуют использования методов, которые не только дистанцируют исследователей от их основного метода включенного наблюдения, но и сближают данную дисциплину с социологией [Breitborde 1994: 3].

В 1970-х гг. Ричард Фокс выступил с критикой антропологии *в городах* с ее этнографическими описаниями на уровне улицы, определив эту антропологию как «пешеходную»; в противовес этому он высказался в защиту антропологии *города* [Fox 1972]. Он заявил, что, следуя за крестьянами в город, антропологи принимали за нечто само собой разумеющееся форму и функцию городов, многие из которых обрели свой облик (или были основаны) под влиянием внешних сил, а также глобальной политической экономики, в которую были встроены. Основанные на классическом методе включенного наблюдения, антропологические исследования маргинальных жизненных стилей бедняков, людей с девиантным поведением и мигрантов не обращались к широкому городскому контексту.

Фокс предположил, что фокус городской антропологии должен сместиться от изучения изолированных гетто в сторону целостной перспективы, рассматривающей в качестве объекта исследования город в целом и концептуализирующей его как социальную форму, взаимодействующую с окружающим ее обществом. С его точки зрения, город является институцией, которую на эмпирическом уровне можно идентифицировать на основе концентрации населения и уникальных физических параметров или внешнего вида.

В 1980-х гг. критики упрекали Фокса и других исследователей в эссенциализации и опредмечивании города [Zenner 1994]. Ни концентрация населения, ни монументальная архитектура, говорили они, не могут служить индикаторами того, что данное поселение является городом. Исследования самого Фокса на самом деле являлись изучением городских элит, которые он затем идентифицировал в качестве «города». Критики заявляли, что подобный эссенциализм камуфлирует экономические, политические и другие силы, действующие в городах. Антропологи вернулись на улицы для того, чтобы исследовать людей, идентифицируемых в качестве горожан, в их конкретных социальных и культурных контекстах. Таким образом, городская антропология, как кажется, осталась без четкой теоретической программы в эпоху беспрецедентного роста городского населения, а также возникновения новой иерархии городов, связанной с перестройкой глобальной экономики и финансовых отношений — и это несмотря на тот факт, что люди во всем мире все еще проводили важные культурные различия между городом и сельской местностью [Lynch 1994: 36].

Расширение фокуса городской антропологии породило и другую головоломку: интерес к тому, насколько антропологические исследования, проводимые в городе, являются специфически городскими. Темы, затрагивавшиеся на лекциях по городской антропологии, отражали тематику антропологии в целом (этничность, классы, неравенство), что заставило Роджера Саньека отметить в обзорной статье 1990 г., что глобальное стремление к урбанизации превратит городское пространство в естественное место проведения антропологических исследований и внесет изменения в городскую антропологию как особую дисциплину [Sanjek 1990]. Это является частью другого большого сдвига в антропологии последних трех десятилетий — от исследования маргинального, экзотического и традиционного к изучению институций, практик и типов субъектности современности. Многие современные антропологические исследования, проведенные в городах, концептуализируются как исследования государства, системы управления, международного развития,

финансов или науки и технологии, а не «городского». К 1990-м гг. социальная антропология в значительной степени стала городской антропологией, несмотря на то, что она больше не идентифицировала себя в качестве специфически «урбанистической».

Современные антропологические исследования, эксплицировано нацеленные на изучение урбанизма и городской жизни, последние 15 лет являются частью того, что Эш Амин называет интер- и постдисциплинарной интеллектуальной формацией, включающей городских географов, социологов, архитекторов, планировщиков и историков [Amin 2007: 100]. Эти ученые занимаются трансформациями городской жизни и самоочевидной территориальностью городов как явлений, порожденных интенсификацией транснациональных потоков идей, информации, знаний, денег, людей, транслокальных сетей влияния, включающих глобальные финансовые институции, международные режимы управления, а также технологии, связанные с глобализацией. Используя направления марксистской, постструктуралистской, постмодернистской и постгуманистической теории (Беньямин, Лефевр, Фуко, де Серто, Латур и Харэвэй), эти ученые переместили центр своего внимания на процессы пространственного формирования, а не на заданные заранее порядки пространственного устройства. Города были переосмыслены как пространства, в которых пересекаются сети различного масштаба, скорости и длительности, где люди, технология и биология совместно конституируют социальное, где пространственная близость не предполагает со всей необходимостью тесных социальных связей и где повседневность конституируется сложными темпоральностями, историчностями и типами памяти. Вдохновляемые реляционным пониманием пространства, места и города, антропологи вернулись к вопросу о «городе» — как правило, конкретном городе — не как о предзаданной сущности, но как о чем-то, конституируемом совместно целым рядом субъектов действия, техник, типов воображаемого и политическими экономиями, оперирующими на разных уровнях. Хотя современная антропология города все еще нередко в качестве точки отсчета использует различие между антропологией в городе и антропологией города, разговор больше не вращается вокруг того, должны ли антропологи фокусироваться на этом или на том. С моей точки зрения, некоторые из числа наиболее интересных антропологических исследований городов посвящены городскому воображаемому, практикам и политике одновременно. Далее я опишу три типа этнографических исследований, которые репрезентируют разные направления в современной антропологии города и инкорпорируют эти проблемы по-разному. Эти

направления отнюдь не исчерпывают всего поля исследований, но, по крайней мере, являются репрезентативными.

Одно из направлений исследования фокусируется на городском воображаемом, городских мифологиях, а также местах и практиках, поддерживающих их. Адам Рид [Reed 2002] полагает, что антропология города должна всерьез обратиться к тому, как обычные городские жители осмысливают свой город в качестве целого. Его работа посвящена тому, как энтузиасты Лондона (гиды) используют категорию «детали» для того, чтобы развить способность увидеть прошлое своего города и почувствовать его индивидуальность. Сходным образом Хансен и Веркааик [Hansen, Verkaaik 2009] пытаются этнографически подойти к представлению о душе города и рассматривают городскую харизму в качестве особенности как городов, так и конкретных городских типажей, вроде гангстеров, политиков, полицейских, деловых магнатов и представителей уличной преступности, которые могут претендовать на знание городского мира, а также демонстрировать свое умение контролировать городское пространство и создавать нарративы о нем.

Мое собственное исследование, посвященное Одессе, является еще одним примером изучения взаимодействия городских мифов, мест и форм общения, конституирующих хронотопы современного города [Richardson 2008]. Начальной точкой исследования является то, как одесситы артикулировали свои претензии на то, что их город обладает особым характером; работа дает этнографическое описание идеи Одессы как города по отношению к другим городам, окружающему ее региону, Украине и России. В противоположность семиотическим или текстуальным интерпретациям Одессы, предпринятым литературоведами и историками культуры (см.: [Stanton 2004; Tanny 2008]), я делаю особый упор на том, как одесситы интерпретируют тексты, истории и документы во время пеших прогулок, на блошином рынке, во дворах. Прослеживая привлечение городских историй, связанных с пространствами и практиками, мое исследование высвечивает темпоральности и историчности города, а также формы общения его жителей.

Моя книга “Kaleidoscopic Odessa” посвящена особенностям пространств и практик, которые не могут быть охвачены урбанистическими нарративами, артикулируемыми теоретиками, даже если они резонируют с ними. Пятая глава, посвященная клубу пеших прогулок по местам, связанным с местной историей, дает пример такого типа. Клуб «Моя Одесса» состоит из группы в тридцать человек, главным образом пожилого возраста, совершающих каждое воскресенье прогулки по конкретным улицам вместе с Валерием Нетребским, их харизмати-

ческим гидом и другом. Валерий приносит карты, документы и статьи и подробно рассказывает об истории событий, людей и зданий. Участники прогулки заходят во дворы и разговаривают с жителями. Они реагируют на то, что их окружает, используя весь арсенал своих чувств. С одной стороны, пешие практики группы напоминают коллективное фланерство. С другой, они вторят феноменологическим анализам памяти, места и воплощения. До сих пор, однако, лишь некоторые ученые обращали внимание на ту форму общения, которую практикуют подобные группы, на значение этого типа общения для участников групп, а также на соотношение их коммуникативных ценностей с трансформациями, которые пережили городские публичные пространства в советский и постсоветский периоды. Я полагаю, что понимание пространства участниками прогулки вдохновляется представлением об Одессе как о дворе, идеей о том, что пространство города напоминает (или должно напоминать) пространство двора, не являющегося ни вполне частным, ни публичным, но доступным для всех — пространство, социальность которого может быть описана как «большая семья». Поэтому участники прогулки критически настроены по отношению к чужакам, оказывающимся «несоциальными», а также к трансформациям городского пространства, которые нацелены на огораживание того, что, как они считают, должно быть открыто взгляду каждого. Практики, подобные пешим прогулкам и стремлению культивировать знание городской мифологии и истории, увековечивают хронотопы, внешние по отношению к государству и нации.

Социальные движения и представления о гражданстве составляют другую важную тему современных антропологических исследований городов. Эти исследования посвящены тому, как города становятся ключевым пространством борьбы за включенность, принадлежность и разнообразные права, когда представление о главенстве нации как контексте гражданского действия оказалось поколебленным под влиянием новых движений капиталов, людей и правовых дискурсов [Holston, Appadurai 1999]. Этнографическое исследование Джулии Пейли “Marketing Democracy” [Paley 2001] посвящено истории городских социальных движений в Ла Бандере, барачном поселке в Сантьяго, Чили, с 1950-х гг.; исследовательница демонстрирует меняющиеся стратегии мобилизации в условиях неолиберального капитализма и политической демократии. Основываясь на материалах устной истории, правительственных документах, а также активных контактах с группой женского здоровья «Ларета», Пейли детально описывает политическую борьбу между комитетами бездомных, левыми политическими партиями и правительственными учреждениями за

выделение земли для городских бедняков; кроме того, она исследует те роли, которые сыграли планировщики и жители в создании этого района. Двигаясь между семинарами с молодежью, нацеленными на уточнение хронологии и выстраивание более структурированного нарратива, исследовательница пишет историю коллективных действий. Она объясняет то, как опыт и память об организации в 1950-х и 1960-х гг. сторонников левых партий для получения земли и застройки района использовались для мобилизации социальных движений во время диктатуры Пиночета — поначалу для выживания, а позднее для протеста и акций по делигитимизации режима.

Важная часть работы Пейли посвящена анализу того, почему политическая демократия оказала парадоксальный эффект демобилизации на городские социальные движения. В начале 1990-х гг. социальные организации в Ла Бандере оказались на закате отчасти из-за отступления политических партий, отчасти из-за продолжающихся экономических трудностей, а отчасти потому, что их стратегия денонсации, полезная во время диктатуры, больше не была эффективной. В главе, названной «Парадокс участия», Пейли анализирует то, как группа «Ларета» пыталась озвучить перед властями свои требования по решению проблем здравоохранения — с переменным успехом. В то время как Министерство здравоохранения начало кампанию против холеры, подчеркивая значимость личной гигиены, «Ларета» хотела, чтобы правительство обратилось к причинам, лежащим в основе заболеваемости в районе, а именно — к качеству воды и уборке мусора. Во время этой конфронтации стало очевидно, что у чиновников и «Лареты» драматически разные представления о демократии и участии. В то время как «Ларета» ожидала, что с ней будут советоваться, что группа будет участвовать в принятии решений, Министерство рассматривало ее в качестве инструмента оказания услуг (уборка мусора, дороги, здания), но не того, кто решает, что делать; а кроме того, денонсировало критику, направленную группой против правительства, как «антидемократическую». Со временем «Ларета» добилась желаемого результата по уборке мусора — после митингов, писем, раздачи листовок и захвата зданий. По мере того как шло время, активисты «Лареты» поменяли свои стратегии и начали позиционировать себя в качестве экспертов (что включало получение сертификатов), для того чтобы их претензии на знание были признаны; кроме того, они стремились «профессионализировать» стилистику своего самоэкспонирования, с тем чтобы чиновники принимали их всерьез. Проведенный Пейли детальный анализ стратегий социальных движений, их акций, а также дискурсов эффективно «сшивает» вместе городские, национальные и глобальные отношения,

объясняя, как меняющиеся формы власти влияют на умение активистов заставить признать за собой право на независимое гражданское действие.

Третье направление антропологических исследований городов обращено к проблематике городского управления и дизайна [Holston 1989; Rabinow 1989; Collier 2005]. Неразрывная связь планирования с регулированием и контролем над «городом» делает эту сферу интересным пространством для изучения продуцирования и распространения образов идеального города, его композиций, а также тех сложностей, которые возникают при реализации планов. Книга Гизы Везкалнис “Berlin, Alexanderplatz” [Weszkalnys 2010] является этнографическим исследованием того, как программы и практики планировщиков, строителей, социальных работников, гражданских групп и молодежи делают Александерплац «множественностью» в Берлине в эпоху после объединения Германии. Изучая конфликты, полемики и проблемы, возникающие в результате попыток реформирования Александерплац, она задает следующие вопросы. Как в первую очередь конструируется город как объект? Какие практики объективации играют роль в этом процессе? Каким образом конкретное место оказывается выражением представлений о городе? Исследовательница рассматривает эти вопросы, анализируя то, как происходит процесс сборки «множественного Александерплац» (термин, вдохновленный «множественным телом» Анны-Мари Моль) во всей его пространственно-временной сложности. Данный объект собирается планировщиками и гражданами в буквальном смысле сведением вместе документов, изображений и протестов на митингах и демонстрациях. Кроме того, он собирается в делезовском смысле — становлением во времени. Мы сталкиваемся с Александерплац как с видением «сердца европейского города», «распадающимся воплощением социализма», «предметом недовольства» граждан, «молодежным местом». Однако книга дает больше, чем просто набор разных восприятий. Она вскрывает предпосылки, лежащие в основе современного городского планирования, исследуя то, как площадь становится объектом управления, а также то, как дискурсы управления встраиваются в сами представления граждан об Александерплац.

Вескалнис стремится не просто рассказать «еще одну историю» о ползучей неолиберальной системе управления. Ее книга скорее демонстрирует, что результаты этого в разных местах оказываются разными; исследовательница указывает, что, не обращая внимания на конкретные ценности, способствующие сдвигу в сторону неолиберальной системы городского управления, антропологи и другие исследователи просто воспроизводят еще один метанарратив модерности. Вескалнис критикует

данную тенденцию в теории и на практике для того, чтобы четко развести план и реальность, живое и запланированное пространства, а также планировщика как развоплощенного инженера и гражданина как воплощенного практика. Она прослеживает напряжение, возникающее при переводе планов и представлений в строительную реальность, а также изучает восприятие неудач некоторыми планировщиками, с которыми она общалась в 2000-х гг. Вместо того чтобы соположить план и реальность с целью указать на разрыв между ними, а также на то, что план потерпел неудачу, этнографическая работа Везкалнис приводит исследовательницу к тому, чтобы всерьез обратиться к пониманию планирования самими планировщиками как беспорядочного, полного неожиданностей, а также отметить, что неудача (или восприятие неудачи) сама по себе приводит к социальным действиям.

Изучение «городского» в антропологии обладает занятной историей. Будучи некогда определением маргинального дисциплинарного пространства, к 1990-м гг. городское пространство практически становится естественным для антропологического исследования, весьма отчетливо меняя традиционные объекты исследования данной науки. По мере того как реляционное понимание пространства и места начинает занимать все более значимое положение, дебаты относительно того, является ли городская антропология исследованием в городе или исследованием города, уступили место признанию того, что интересные проблемы и линии исследования могут возникать, если придерживаться как одной точки зрения, так и другой. Хотя современные антропологи нередко больше не упоминают старые дебаты, представление об исследовании в городе и исследовании города, тем не менее, все еще остается точкой отсчета в недавних дискуссиях [Hansen, Verkaaik 2009], в то время как наиболее интересные исследования сочетают обе позиции. На сегодняшний день антропологи стремятся продемонстрировать, что они тоже могут внести нечто значимое в дебаты по поводу урбанистических исследований как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях. И тем не менее, их теоретические находки возникают на основе неожиданных открытий, которые делаются благодаря серьезному отношению к знанию практик самых разных городских обитателей.

Библиография

- [Alexander, Buchli, Humphrey 2006] Urban Life in Post-Soviet Central Asia / Ed. by C.A. Alexander, V. Buchli, C. Humphrey. London: Routledge, 2006.
- Amin A. Re-thinking the Urban Social // City. 2007. No. 11(1). P. 100–114.
- Amin A., Thrift N. Cities: Re-imagining the Urban. Cambridge: Polity, 2002.

- Breitborde L.B.* Urban Anthropology in the 1990s: Whither the City? An Introduction // *City & Society*. 1994. No. 7(1). P. 3–10.
- Collier S.J.* Budgets and Biopolitics // *Global Assemblages: Technology, Politics and Ethics as Anthropological Problems* / Ed. by S.J. Collier [Stephen J. Collier], A. Ong [Aihwa Ong]. Malden, MA: Blackwell, 2005. P. 373–390.
- Fox R.G.* Rationale and Romance in Urban Anthropology // *Urban Anthropology*. 1972. No. 1(2). P. 205–233.
- Hansen Th.B., Verkaik O.* Urban Charisma: On Everyday Mythologies in the City // *Critique of Anthropology*. 2009. No. 29(1). P. 5–26.
- Holston J.* *The Modernist City: An Anthropological Critique of Brasilia*. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- Holston J., Appadurai A.* Introduction: Cities and Citizenship // *Cities and Citizenship* / Ed. by J. Holston. Durham NC: Duke University Press, 1999. P. 1–20.
- [*Huyssen 2009*] *Other Cities, Other Worlds: Urban Imaginaries in a Globalizing Age* / Ed. by A. Hussen. Durham NC: Duke University Press, 2009.
- [*Low, Taplin, Scheld 2005*] *Rethinking Urban Parks: Public Space and Cultural Diversity* / Ed. by S. Low, D. Talpin, S. Scheld. Austin: University of Texas Press, 2005.
- Low S.* The Anthropology of Cities: Imagining and Theorizing the City // *Annual Review of Anthropology*. 1996. No. 25. P. 383–409.
- Lynch O.* *Urban Anthropology, Postmodernism and Perspectives* // *City & Society*. 1994. No. 7(1). P. 35–52.
- Paley J.* *Marketing Democracy: Power and Social Movements in Post-Dictatorship Chile*. Berkeley: University of California Press, 2001.
- Pile S.* *Real Cities: Modernity, Spaces and the Phantasmagorias of City Life*. London: Sage Publications, 2005.
- Rabinow P.* *French Modern: Norms and Forms of the Social Environment*. Cambridge MA: MIT Press, 1989.
- Reed A.* City of Details: Interpreting the Personality of London // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2002. No. 8. P. 127–141.
- Richardson T.* *Kaleidoscopic Odessa: History and Place in Contemporary Ukraine*. Toronto: University of Toronto Press, 2008.
- Sanjek R.* Urban Anthropology in the 1980s: A World View // *Annual Review of Anthropology*. 1990. No. 29. P. 151–186.
- Stanton R.* *Odessa Selves: Identity and Mythopoesis in Works of the Odessa School: PhD Dissertation* / Department of Slavic Studies, Columbia University, 2004.
- Tanny J.* *City of Rogues and Schnorrers: The Myth of Old Odessa in Russian and Jewish Culture: PhD Dissertation* / Department of History, University of California, Berkeley, 2008.
- Weszkalnys G.* *Berlin, Alexanderplatz: Transforming Place in a Unified Germany*. London: Berghahn, 2010.
- Zenner W.P.* Nominalism and Essentialism in Urban Anthropology // *City & Society*. 1994. No. 7(1). P. 54–66.